

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ЛЕНИНГРАДЦА, БЫВАВШЕГО В СВОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ НА ОСТРОВЕ КОНЕВЦЕ (отрывки из семейной хроники)

В пятилетнем возрасте я первый раз попал на остров Коневец, это было в преддверье перед ледоставом. А потом несколько лет подряд проводил на острове летние каникулы под присмотром родственников.

На острове была тогда неприметная военно-морская база – «так себе», на мальчишеский взгляд. Уходящий в озеро пирс из металлических труб с деревянным настилом, у которого иной раз швартовались быстроходные катера типа «Морской охотник» и в лучшем случае – тральщик. Редко, когда мелькнёт военмор в форме. Семьи служащих и вольнонаёмные жили в бывших кельях двухэтажных и одноэтажных строений, обрамлявших этот главный монастырь с собором посередине, входная дверь которого всегда была на замке. Над этим входом, чуть левее, в кирпичной стене собора на высоте двух человеческих ростов торчал неразорвавшийся снаряд, отчётливо сверкал медный поясик на его цилиндрической поверхности. Детская мальчишеская компания на острове, которая приняла меня в свой круг, состояла из 4-х – 5-ти человек. Мы знали только южную часть острова от главного пирса, вокруг монастыря и до Святой Горы, у которой стоял маленький монастырёк – скит.

В отличие от города здесь на острове не было очередей за хлебом, мукой и сахарным песком, в которых ленинградским детям скучно было стоять часами вместе со взрослыми. Здесь дети были предоставлены самим себе, с острова не убежишь – вокруг холодное озеро, разве что можно утонуть, но местные мальчишки умели плавать и первым же летом научили меня плавать на спине. В солнечные дни мы купались и загорали на песке справа от пирса. Нередко с катеров, пронесившихся вдаль у окончания песчаной косы, пускали густую дымовую завесу, которую западный ветер гнал полосой в нашу сторону. Мы были научены и за миг до приближения дыма утыкались носами в песок и дышали сквозь заранее приготовленные собственные майки, пока дым не уносило. В другие дни, пролезая под дощатый настил пирса и располагаясь на металлических трубах, ловили рыбу, имея только длинную нитку с крючком. Мелкая рыба около дна была хорошо видна в прозрачной воде, оставалось только размотать нитку с пальца и подвести крючок с наживкой к той или иной рыбёшке. Слева от пирса на мелководье с небольшими камнями водились мелкие бычки, которых мы высматривали и добывали с помощью обычной вилки. Ещё дальше от пирса в этом же направлении вдоль побережья в песке длинной цепью располагались неприметные, забытые блиндажи или, возможно, ДЗОТы. Мы подходили к первому, пролезали внутрь под бревенчатый настил. Не найдя ничего интересного, вылезали наружу и все вместе прыгали на брёвнах настила, пока они не проваливались вместе с нами, но не глубоко. Нам было весело, мы выкарабкивались из полусгнивших развалин и направлялись к следующему блиндажу, где повторялось то же самое. Так мы, играя, разрушали эти памятники прошедших здесь войн один за другим.

За северной стеной монастыря находилась вытоптанная ногами спортивная площадка, где в выходные дни проходили футбольные матчи между матросскими командами. Здесь были «гигантские шаги», которые представляли собой вертикально стоящий, примерно 6-ти метровый, деревянный столб с закреплённым наверху вращающимся металлическим кольцом. По окружности кольца были привязаны 4 каната, имевшие на своих концах, достигавших земли, большие петли. 4 человека, просовывали одну ногу каждый в свою петлю, пока не садились в неё, и, держась каждый за свой канат, одновременно разбегались в одну сторону по кругу и, относимые центробежной силой дальше от столба, весело неслись, как на каруселях. При некотором снижении, когда ноги достигали земли, можно было снова разгоняться, при этом шаги человека из-за быстрого движения оказывались гигантскими.

Уходя от монастыря по дороге вглубь острова, достигали заброшенного яблоневого сада с правой стороны от дороги, где один из старших мальчиков пас небольшое стадо коз и овец. Наконец дорога подходила к подножью Святой Горы и упиралась в ворота скита, которые охраняла овчарка по кличке Джек. Этот скит – маленький монастырь с церквушкой в окружении стен-домов – был населён кроликами и собаками. Здесь их держали в клетках, кормили; иной раз слышен был собачий лай. Ночами матросы возили животных на какие-то испытания. Говорили, что животных оставляли в клетках на конце песчаной косы, уходящей далеко в озеро, и чем-то окуривали. Потом животных возвращали обратно в скит и, наверно, что-то изучали. Много животных после этих испытаний погибало. Уцелел лишь Джек. Когда его увезли на испытания, он вырвался, искусал матросов и прибежал обратно в скит. Больше его не трогали, посадили на цепь и оставили, как сторожевого пса.

В те годы в народе ходили фантастические слухи про страшную атомную бомбу и про ещё более ужасную водородную. Говорили, что от атомной бомбы всё сгорает, а от водородной – всё замерзает. В те же годы в Ленинграде демонстрировался зарубежный художественный фильм «Серебряная пыль», пугали каким-то смертельным воздействием загадочной светящейся пыли. Но дети и простые люди не тревожились, взрослым собственные воспоминания о недавней войне, наверно, были страшнее.

Обходя скит слева по подножью Святой горы, мы попадали в лес с высокими елями и соснами, где стоял огромный Конь-камень. Деревянная часовня на вершине камня сохранилась, а лестница наверх была полусгнившей и подозрительно шаталась, когда по ней шёл человек. Внутри часовни ничего интересного не было, стены и загаженный пол имели памятные надписи, вырезанные ножами матросов. Вблизи этого места было много черники, и в сезон её сбора мы с бабушкой не раз приходили сюда, где мне давалось ежедневное задание собрать не менее полуведра ягод. Часами собирая чернику около Конь-камня, я всегда удивлялся постоянному загадочному, какому-то ритмичному шуму в этом пустынном месте. Сейчас я думаю, что это был шум прибоя у близкого, скрытого стволами сосен, берега острова.

Замечу, что в те годы я по своей детской наивности не отличал Карельского перешейка от Корейского, который чаще упоминали по радио в связи с проходившей в 1950 – 1951 годы Корейской войной. Позднее, когда я разобрался, где находится Карельский перешеек, и кто такие карелы, и к тому же узнал от старших, что сам я происхожу по материнской линии от новгородских (точнее, боровичских) карел, то очень удивился. Удивился тому, каким ветром меня в детстве занесло на остров Коневец, в одно из самых священных мест древних карел. Более того, в паспорте моей двоюродной сестры записано, что она родилась на острове Коневце.

Вот так, подумал я, народы покидают свою родину из-за войн и неурядиц, а потом, через несколько веков, их потомки в результате последующих войн, сами того не ведая, возвращаются на родину предков.

Содержание

1. Возвращение на Ладугу
2. Путешествие 5-летнего мальчика на Коневец в 1947 году
3. Остров Коневец, 1951 год.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЛАДОГУ

Двоюродной сестре Нине

По паспорту, а, может, по наитию с небес,
по зову предков, что ушли за Олонец,
по воле случая, любви и склонности сердец
место рожденья Нины –

Быть не может !

– остров Коневец.

Чудны, разительны дела твои, Творец !
Где кантеле ?

Послушаем же руну, наконец.

Runo: Плывёт по карте, как в рассоле огурец,
семь на три островок с названьем «конь» и «вещ».
Возможно, «вещ» от слова «ведать», может, - «весь»;
однако, чудится иное – «конь» и «бес».
И впрямь, коней пасли здесь в древности, а не овец;
тем паче, Папа Римский и святой отец
католиков писал, чтоб ни единый жеребец
не продан был язычникам - карелам за конец
Сигтуны свейской...

И еще из области чудес:

Здесь иноком был изгнан из-под Камня бес.
Бежать к чертям ! – вскричал туземец, - kirikkö (1) не собес:
поборы разные, нотации, ликбез.
И бес, крестом гонимый, в Ладугу полез,
прошёл, как смерчь, насыпал косу и исчез.

А там, где он бывал, остался только лес,
невнятный шум, черничник, ельника навес,
Конь-камень, скит, да сосны – сосны до небес,
да монастырь, да в озеро летящий благовест:
Бом–м–м–м - Бом–м–м–м - Бом–м–м–м. (All for the best).

Всё в прошлом (снова к черту !)...

Две войны поставили свой крест.
Царят фуражки, бескозырки, катера, норд-вест.
Случись чуть - что, на гауптвахту под арест,
и, чтоб детей рожать, нет хуже этих мест.

Но слух прошёл, что в Питере, в больнице Отто
в тот самый – самый день родился кто-то
у Нади Яковлевой (2), чья была забота
назвать дочурку Ниной, не Шарлоттой.

Вы спросите, - Причём тут Коневец?
Притом, что остров стал тогда прибежищем невест.
Здесь Надя секретарила, и здесь служил отец:
бывалый мичман, рыболов, грибник и швец.
Когда пошёл записывать малышку в ЗАГСе,
начистил сапоги до блеска ваксой
и на вопрос, - Где родилась? – отец
поскрёб затылок и ответил, - Коневец.

Тот островок на Ладоге, где вековечный лес,
прибоя шум, черничник, ельника навес,
Конь-камень, скит и сосны – сосны до небес,
и монастырь стоит...

Да только нет невест.

(1) *kirikkö* (карел.) – церковь

(2) Надежда Петровна – моя родная тётя, потомок боровичских карел, переселившихся в XVII веке во время русско-шведских войн из Приладожья на Новгородскую землю.

ПУТЕШЕСТВИЕ 5 – ЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА НА КОНЕВЕЦ

(1947 г., Ленинград – Пюхьярви – Сортанлахти – остров Коневец)

Послевоенный чёрно-белый Ленинград.
Таким, как бы со старых стёртых фотографий,
Он мне запомнился. Куда девались все цвета?
Поблекли, видно, в сумерках прошедших лет,
Смешались, превратились в белый, серый
Или пропали вовсе, ставши чёрным.

Привычны были в те года руины
На 3-ей линии и рядом с нашим домом на 2-ой.
А на Андреевском фанерном рынке ближе к 5-ой
Из-под обломков битых кирпичей
(весной, когда пригреет солнце)
Заметно пахло человеческим тленом (1).

Я с бабушкой сажу в трамвае
Накутанный, на лавке, а в ногах – пожитки.
Да, вспомнил! Пара фиолетовых огней
На лбу маршрута № 6 светилась.
Трамвай от Среднего ползёт через Тучков
По Петроградской мимо «Великана»
По направлению к Финляндскому вокзалу.

Не досмотрев мечеть и мамин Округ,
Заснул. А бабушка расталкивает, надо выходить.
Предзимье, сумерки, со сна похныкать хочется,
Но мамы рядом нет, приходится терпеть
И кое-как, набывчившись, идти.

Вошли в зал ожидания вокзала,
Не в нынешний, а в прежний небольшой (2),
(там, где сейчас мемориальная доска
на двухэтажном старом здании,
смотрящем прямо в Финский переулок).
Зал ожидания, неярко освещённый,
Заполнен отъезжающим народом.
Шинели (чаще без погон), бушлаты, ватники,
Пальто, заплечные мешки, котомки, чемоданы
Порою перевязаны верёвкой, как и наш,
От старости, пожалуй, чтоб не развалились.

- Мамаша с мальчиком, садитесь !
Нам уступают место женщина с каким-то моряком.
- Наверное, Вы – мама Нади ?
Бабушка кивает. А женщина ещё,
- Мы с Коневца. Она просила встретить вас.
- Наш поезд на Кексгольм пойдёт в час ночи.

Таинственный Кексгольм (3), где, слышал я от взрослых,
Совсем недавно (года три назад)
Как волки злые лютовали белофинны.
Взрывали всё, стреляли, убивали русских.
Но мне не страшно. Бабушка меня
Наверняка не даст в обиду.
И кто такие эти белофинны ?
А белые ? От снега что ли ?
И, интересно, что мы там увидим ?

Потом мы встали и пошли к платформам,
Где все столпились у высокой загородки,
Перекрывавшей вход. С той стороны
Во тьме пыхтел состав. Стояли долго.
Взрослые о чём-то говорили тихо.
Светились угольками папиросы.
Ворота вширь. Толпа спешит к вагонам.
И мы уже внутри. Как говорится:
«В тесноте, да не в обиде».
На нижней полке – сплошь народ,
И бабушка сидит с вещами.
Ну, а меня повыше взял с собой военный
И привязал ремнём, чтоб не свалился.

Вдали почудился толчок. Всё ближе перестук:
Тук, тук, тук, стук – вагон наш пошатнулся.
И тише: тук, тук, тук. Заулыбались,
- Ну, наконец-то, прицепили паровоз.
И чуть спустя наш поезд тронулся
В другую сторону (так мне показалось),
Да и пошёл, пошёл. За нами побежали
Грустные пристанционные огни,
Потом совсем пропали в мутной и белёсой пелене.
Когда я засыпал, подумал, - Хорошо
С моей второю бабушкой и, чудно, тоже Лизой.

Растормошили. Одеваюсь полусонный,
И бабушка поверх повязывает шарф.

Ещё немного можно посидеть в тепле,
Взглянуть по сторонам, подумать:
Уж сколько едем, едем, а в окне темно.
Какая всё же нескончаемая ночь,
Наверно, никогда не прекратиться ?
А по вагону с фонарём проходит проводница,
Билеты, кому нужно, отдаёт и говорит,
- Наш поезд подъезжает к Пюхьярви.

Платформы нет. Спускаемся на снег
И в темноте по тропочке спешим куда-то.
А в это время позади гуднуло тихо.
Цепь тускло-желтых окон поползла,
Поехала во мраке и исчезла вовсе.
Теперь деваться некуда, и остаётся
Идти по пустырю со всеми вместе.

Вот утрамбованная снежная дорога
И огонёк полуторки. В кабине – краснофлотец
(Звезда на шапке, тёмный полушубок)
Приехал встретить к поезду из Сортанлахти.
Рассаживаемся. Мы с бабушкой (как стар и мал) –
Посажены в кабину. А остальные – наши добрые
Друзья-попутчики по колесу залезли в кузов.

Как здорово сидеть с водителем в кабине
И видеть наяву, а не во сне
(пожалуй, во дворе никто мне не поверит:
ни Коська, ни Валерка Колотушкин),
Как мчит машина в тёмном коридоре,
Бежит навстречу лес в неровном свете фар.
Вот, кажется, медведь на повороте.
Раз – два и проскочили мимо, съесть нас не успел.
И снова лес, кусты, заснеженное поле,
Вот промелькнуло несколько домов
Уже светает. Мрачный лес редееет
И вдруг кончается. И перед нами - море.

Необозримая студёная поверхность Ладоги
Почти сливалась с хмурым серым небом,
И было видно, как слегка мерцали
Ряды нестройных, витьеватых волн.
И, удивительно, она выпучивалась вверх
Спиной огромного и склизкого кита
И выплеснуть была готова ледяную воду
Чтоб всё вокруг без жалости залить.

Когда ж полуторка, рыча, подъехала поближе,
То, оказалось, берег, к счастью, выше моря.
И волны, подбегая как ручные,
Размерно ударяли в ледяной припай.
Кой - где на берегу виднелись домики,
А рядом в небольшом заливе
Стояли (тоже небольшие)
Все с маскировочной окраской корабли:
Буксир, два катера МО (4) и тральщик,
Прижавшись бортом тем или иным
К стальному ладожскому пирсу.

В конце концов, полуторка остановилась,
И краснофлотец за рулём сказал,
- Приехали, мамаша. Выходите !
- Знакомьтесь, это – наша Сантарлахта (5).

Мы выгрузились и со всеми вместе
Зашли в бревенчатый барак для проезжавших.

Внутри тепло: с утра топили печь.
Беседуют о чём-то меж собой
Сидящие на лавках люди. А, кто хочет,
Тот расстилает ватник на пол и ложится.
Мне тоже бабушка постлала что-то,
И я немедленно, в который раз, заснул.
Спал долго и в тягучей полудреме
Всё слышал повторявшиеся фразы,
- Конечно, тральщик !
- Лёд на озере.
- Буксир опасней !
Проснулся за полдень, и бабушка сказала,
Что дальше поплывём на тральщике.

Идём по пирсу. Катера, буксир; а, вот и тральщик.
По трапу вверх, и мичман пропускает на борт.
Ура !!! Плывём на самом крупном корабле,
И даже с пушкой. Эх, жалко, что не видит мама !

Меж тем, известно было от людей бывалых,
Что плыть до острова не очень долго,
Обычно, ну, никак не больше часа.
И мы пристроились, как все, на палубе,
В каком-то закутке, где тише ветер.
Загрохотал мотор, всё жутко задрожало:
Железо, рубка, трапы, леера.
И, вместе с грохотом, корабль отчалил.
Мы только увидели из укрытия
За пеленою тёмного дымка,
Что пирс и берег стали удаляться.
Пошла волна, и тральщик закачался
Вверх – вниз, на правый борт, на левый.
И нестерпимый грохот от мотора:
Ры-ры-ры-ры. Ры-ры-ры-ры. Ры-ры.
И к горлу подступила тошнота.
Ры-ры-ры-ры. В провал лечу. Ры-ры-ры-ры. Наверх.
Ры-ры-ры-ры. Противно все. Ры-ры-ры-ры. Тошнит.
Без удержу тошнит и мутит. И слёзы. Вот позор !
Что обо мне подумают герои - моряки ?
Да уж, теперь мне всё равно. И всё противно.
И ничего не надо. Наплевать.
Ры-ры-ры-ры. Ры-ры-ры-ры. Ры-ры.

Не знаю, сколько времени прошло.
Очнулся я в каюте. Было тихо.
Сидела рядом бабушка. Корабль стоял.
А, может, тихо шёл.
Болезнь моя прошла, как ни бывало.
И я почувствовал, что прихожу в себя.
Оказывается, что моряки
Нас поместили в кубрике матросском.
И я теперь лежал на чём-то месте,
Открыл глаза и живо огляделся.
Один матрос дремал, другой мне подмигнул,
- Ну, что, герой, очнулся ?
И те, кто рядом был, заулыбались.
Я успокоился, - Наверно, всё забыли.
Прошло немного времени, и, вдруг
Влезает моторист в засаленном бушлате
И с трапа вертикального кричит,

- Полундра, братцы ! Ванька, просыпайся !
- Пробоина в борту !
Спросонья молодой матрос, кажись, растерян
И, потирая глаз, с лежанки привстает.
Второй матрос глядит на моториста,
А моторист,
- Ну, ты сала–а–га, Ваня ! Я же пошутил.
- Пробоина в носу, да небольшая.
- Слегка обшивку долбануло льдиной.
- Сейчас дыру заткнем. Где старый мой сапог ?
Потом они ушли и через полчаса вернулись,
Смеялись меж собой, что,
Эко дело – тральщик зачинили каблуком.
А вслед за тем к нам заглянул дежурный мичман,
- Мамаша с внуком, собирайтесь и наверх.
- На палубу идите. Никак нам к пирсу не пристать.
- Мешает лёд. Придется плыть на шлюпке.

Мы выбрались наверх. Уже темнело.
Толпилась молчаливо кучка пассажиров.
А на воде внизу качалась лодка.
Посадка началась. Тут мичман подхватил
Меня и передал матросу в лодку,
А тот меня засунул в самый нос
За одиночное, короткое сиденье.
Спустились и расселись остальные,
И бабушка сидела где-то там.
Взялись за весла. Раз – раз - ещё гребок.
И лодка поплыла куда-то в полутьме.

Пожалуй, самый гордый среди всех был я.
Был отделён от пассажиров спинами гребцов,
Сидел один в носу, смотрел вперёд
И вниз смотрел на ледяную воду,
Не вытерпел и закричал от радости,
- Смотри-ка, бабушка, смотри !
- Я здесь один рулю !

И оказавшийся на шатком острие
Самостоятельным и безрассудно смелым,
Впервые в своей жизни ощутил
Какой-то странный миг наедине
С огромным, неизвестным миром.
... Темно. Чуть видно. Близо – близкая вода
Бездонной глубиной притягивает взгляд,
И завораживает и чуть дышит.
А впереди полоской – лёд, и полумрак,
И снег. И больше, ровным счётом, ни-че-го.

А утром, мне казалось, мы увидим
На море – океане чудный остров,
Где будут стены древние
С похожими на букву «М» зубцами,
И башни грозные, и маковки церквей,
Как в сказке о царе Салтане.

Подплыли к кромке льда, а там уже
Стояли наготове люди, кричали нам,
- Сюда, давай ! Сюда !
Пристали. Те держали лодку, и моряки
Всем помогали вылезать на лёд.
И каждый без задержки шёл на сушу,
Гуськом, на расстоянье друг от друга.

Вот так я в первый раз попал
С моей любимой, строгой бабушкой
На Ладугу, на знаменитый остров Коневец (6)
В сорок седьмом году.

Из истории:

(1) 24 апреля 1942 г. во время самой массивной бомбёжки Васильевского острова в Андреевский рынок попала бомба и разрушила часть его здания ближе к 5-ой линии. Сразу после войны, не разобрав кирпичного завала, его выровняли, утрамбовали, и на этой заметно возвышенной площадке были построены рыночные ряды временных фанерных ларьков.

(2) Зал ожидания Финляндского вокзала...
Через который и всего-то 30 лет назад (в 1917 г.)
прошёл Ильич, меняя котелок на кепку,
чтоб встать на броневик и указать народу новый путь
своей рукою вместо семафора
через Неву на юг в обетованный рай.

(3) В 1947 году финские железнодорожные станции и населённые пункты Карельского перешейка ещё не были переименованы.

После переименования:

Кексгольм – (шведское название от карел. *Käkisalmi* – Пролив кукушки) стал называться Приозерск,
Пюхярви (карел. *Pyhäjärvi* – Святое озеро) стало называться Отрадное,
Сортанлахти (карел. *Sortanlahti* – Чёртова бухта) стала называться Владимировка (бухта Владимировская)

(4) МО – быстроходный военный катер «Морской охотник».

(5) Послевоенные русские жители острова Коневца, не знавшие финского языка, именно так и называли – Сантарлахта. А правильно звучало, и было обозначено на географических картах – *Sortanlahti*.

(6) ... на знаменитый остров Коневец
В святилище языческих карел –
моих, как говорила мама, древних предков,
крещёных в Православье, а потом,
во время непрерывных войн на шведском рубеже,
предательства и жуткой Смуты
ушедших из Приладожья на Новгородчину
на край пятины Бежецкой,
в Шереховской погост.

ОСТРОВ КОНЕВЕЦ

*Воспоминания бывшего третьеклассника о летних каникулах на Коневце
для подготовки школьного сочинения на тему «Был ли у людей Бог и куда он девался?»*

Шёл год 1951-ый. Остров Коневец на Ладоге
вблизи Кексгольма был в те годы заселён
матросами, собаками и кроликами всех мастей.
И вместе с этой живностью там обретались
горстка офицеров, мичманы, старшины
и, среди вольняшек, даже однорукий плотник
с сухим, коротким прозвищем «Рука».

Холодная война была в разгаре,
готовились к горячей с оружием новейшим
и ужасным: атомным и водородным.
И здесь на острове вч морская вела какие-то
таинственные опыты, где в жертву приносились
собаки, кролики, а порой, возможно,
(об этом лишь гадали) и здоровье персонала.

Древний монастырь был приспособлен под жилище,
а выгон для скота – под стадион с «гигантскими шагами»
для развлечения матросов и детей.
В стене церковной слева над порталом торчал
назло (или на счастье) неразорвавшийся снаряд,
виднелось туловище с медным пояском нарезки.
Снаряд боялись тронуть: вдруг взорвется.

Из вторых ворот монастыря вглубь острова
вела дорога к скиту. В полукилометре,
в лесу черничном, слева от дороги испокон веков
лежит Конь-камень – бывшее святилище языческих карел.
На камне - домик маленький, а в домике – часовня -
символ христианства и его победы (не мытьём, так катанием)
над местными природными богами.

По шаткой лестнице (как по морскому трапу)
туда влезали (как на мостик) лихие проходящие матросы
и оставляли на полу свои пометы в виде куч говна
с благими целями, как партия большевиков тогда велела,
чтоб отвратить народ от христианства. Имена этих героев,
в сосредоточенной задумчивости вырезанные ножом,
украшали внутренние стены лесного чудо-домика.

Авторское заключение

Что до меня в те годы, когда я время проводил
на улице и в школе, мысли разные и опыты, товарищи,
домашние дела, был вечно (как одно мгновенье) чем-то занят,
я не задумывался вовсе: есть ли Бог и где он ?
Скорее есть (само собой), чем нет. Такое ощущение
от первых, давних слов моих любимых бабушек осталось.
А бабушкам моим я верил больше всех.

Санкт-Петербург

2005 - 2014